
РОЛЬ ГЕНЕРАЛА Т. НАЗАРБЕКЯНА В БИТВЕ
ПОД ДИЛЬМАНОМ 1915 ГОДА
(По архивным материалам)

В историографии и в истории войн написано немало исследований о русско-турецком (Кавказском) фронте Первой мировой войны. Историки в особенности отмечали несколько ключевых операций и сражений – Сарыкамьшское, Эрзерумское, Трапезундское, Хамаданское и др., однако в тени осталось одно важное сражение, во время которого решалась судьба почти всего Кавказа – сражение русских войск и армянских добровольцев против турецких войск под г. Дильман (с 16 по 18 апреля 1915 г.), где ключевую роль сыграл генерал-майор (впоследствии генерал-лейтенант) Товмас Назарбекян (Фома Назарбеков, 1855–1931).

Т. Назарбекян один из немногих высокопоставленных военных, который знал будущий театр военных действий. Он участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., воевал во время русско-японской войны 1904–1905 гг.

Будучи свидетелем событий, Т. Назарбекян оставил нам ценные и достоверные сведения и данные о депортации и Геноциде армян, организованном младотурецким правительством Османской империи, жертвой которых стали 1,5 млн армян, уничтоженных на протяжении 1914–1916 гг. В результате Западная Армения и некоторые районы Малой Азии, населенные армянами, были почти обезлужены. Помимо людских потерь, армяне понесли огромные материальные потери. Турки и курды присвоили как движимое, так и недвижимое имущество армян. В годы Первой мировой войны Геноциду подверглись также айсоры, а позднее и понтийские греки. Важно отметить, что по приказу генерала Назарбекяна были сделаны фотографии, свидетельствующие о массовом уничтожении мирного населения, осуществленном турками и курдами. В своих мемуарах он упоминает о рапортах русских офицеров, в которых говорилось о зверствах, учиненных в отношении армян.

Генерал дает объективную картину боевых действий на русско-турецком фронте и как истинный военный и патриот переживает по поводу неудач и ошибок русской армии. Таково же его отношение к армянским добровольческим дружинам и их командирам.

Материалы публикуются без купюр, с некоторыми правками в орфографии и пунктуации. Пропущенные в тексте слова взяты в прямые скобки. Публикуемые материалы хранятся в Национальном архиве Армении (НАА).
РУБЕН СААКЯН

№ 1

РАПОРТ КОМАНДИРА САЛМАСТСКОГО ОТРЪЯДА ПОЛКОВНИКА
В. Н. ПОЛТАВЦЕВА КОМАНДИРУ ГЕНЕРАЛУ Ф. Г. ЧЕРНОЗУБОВУ
О БИТВЕ ПОД Г. ДИЛЬМАНОМ И О РОЛИ
ГЕНЕРАЛА Т. НАЗАРБЕКЯНА

№ 23

25 апреля 1915 г.
Кавказская армия

Я безотлучно находился при генерале Назарбекове в боях 16–18 апреля [1915 г.].

Генерал Назарбеков подъехал к Муханджику около 4 часа дня. При спуске с Каратапинского перевала стали встречаться Дильманский губернатор, персонал отряда Красного креста, обозные отделения, нижние чины. Когда генерал Назарбеков спросил всех, почему они отходят, то все говорили, что турки обрушились на наш отряд значительно превосходными силами по всему фронту, держаться нет возможности, много убитых и раненых и наши отходят.

Действительно, несли и вели много раненых. Генерал Назарбеков стал возвращать всех здоровых строевых нижних чинов обратно, особенно из тех, которые в большом числе сопровождали раненых, и стал всех успокаивать, говоря, что к нам подходят подкрепления и что сейчас мы остановим турок, и что они никак нас разбить не могут.

Когда генерал Назарбеков подъехал к южной окраине Муханджика, то предстала следующая картина: небольшие части стрелков и батарея подходили к Дильману и доложили, что Дильман очищен, где находится полковник Треденский¹ и полковник Нальгиев², указать не могут, впереди бы-

---

¹ Автоном Онуфриевич Треденский (1857–1916) – полковник, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., русско-японской войны 1904–1905 гг. Во время Первой мировой войны – командир 6-го Кавказского стрелкового полка на русско-турецком фронте. Умер в действующей армии.

² Эльберт Асмурзиевич Нальгиев (1867–1918) – генерал-лейтенант, происходил из терских казаков, ингуш. В ноябре 1915 г. был назначен командиром 1-й бригады

ла слышна стрельба, настроение всех было подавленное, были видны отходящие наши редкие цепи, об обстановке боя судить было невозможно, так как никто ее ясно не представлял.

2-й батарее генерал Назарбеков приказал немедленно занять позицию южнее Муханджика и открыть огонь поседающему противнику. Затем генерал Назарбеков пошел вперед, чтобы видеть картину боя, и по дороге в резерв был взят взвод, составлявший прикрытие артиллерии. Полковнику Докучаеву³, которого мы об[огнали] с 5-м полком у родника, генерал Назарбеков приказал остановиться на линии Шорик-Кеняна, выбрать позицию на случай, если не удастся задержать противника впереди, и возвращать отходящих нижних чинов.

Штабс-капитану Хан Гирею и начальнику станции искрового телеграфа штабс-капитану Мержанову генерал Назарбеков приказал ехать в тыл и энергично возвращать назад уходящих стрелков. Кроме того генерал Назарбеков вызвал 5-ю роту 6-го полка, бывшую в прикритии к обозу.

По дороге встретилась отходящая Армянская рота⁴, которой генерал Назарбеков приказал остановиться и быть его резервом. Генерал Назарбеков шел под сильным ружейным огнем противника, и вокруг [него] падали пули.

Далее встретилась лежавшая в цепи во второй линии 12-я рота 8-го Кавк[азского] стр[елкового] полка, от командира которого генерал Назарбеков узнал, что полковник Треденский находится у кургана 669 севернее Дильмана.

Генерал Назарбеков, осыпанный пулями, двинулся вперед, далее, приказав 12-й роте оставаться на месте и быть его резерв[ом].

Когда генерал Назарбеков подошел к передовым цепям у кургана 669, то послал за полковником Треденским. Здесь была видна картина боя: турки заняли позицию севернее Дильмана и казарм и остановились, открыли частый огонь, видимо, [остановились] под огнем нашей 2-й батареи. Наши цепи залегли от кургана 669 к западу. На севере от Муханджика двигались вперед густые цепи противника. Для обеспечения левого фланга нашей це-

---

2-й Кавказской казачьей дивизии, в 1917 г. – начальник 2-й Кавказской казачьей дивизии.

³ Георгий Аркадьевич Докучаев (1864–?) – генерал-майор (11. 07. 1915), командир бригады 5-й Кавказской стрелковой дивизии (04. 07. 1916).

⁴ Как видно из воспоминаний генерала Т. Назарбеяна, эта была разведка Армянской 1-й дружины под командованием Смбата Борояна. Об участии 1-й дружины в бою под Дильманом более подробно см.: Андраник Озаян. Документы и материалы.– Вестник архивов Армении, 1991, № 1, с. 165–172; Армяне в Первой мировой войне (1914–1918 гг.). М., 2014, с. 70–71.

пи генерал Назарбеков прикрыл Армянской ротой из своего резерва – стать левее наших цепей уступом и поступать по обстановке.

Когда подошел полковник Треденский, то объяснил, что в его непосредственном распоряжении находится в общем 3 1/2 роты, составленные из 5 рот, что роты эти занимали позиции южнее Дильмана, но под натиском превосходящих сил противника вынуждены были отойти, что полковник Нальгиев с батальоном и несколькими сотнями двинулся на Хосрову. Батальон и что где остальные части отряда полковника Нальгиева и 6-го полка ему неизвестно. Считая положение полковника Нальгиева опасным, генерал Назарбеков приказал полковнику Треденскому упорно удерживать занимаемую позицию: скоро прибыл ординарец полковника Нальгиева с приказанием, в коем он считал, что полковник Треденский еще занимает Дильман, сообщает, что он теснит противника, и требует от полковника Треденского поддержать его наступление⁵.

Так как Дильман был оставлен полковником Треденским, противник был с превосходными силами и угрожал левому флангу полковника Треденского, солнце уже почти садилось, достаточного резерва не было, силы противника были не выяснены точно, но видно было лишь, что он значительно превосходил нас, генерал Назарбеков объяснил полковнику Нальгиеву обстановку и приказал ему с наступлением темноты отходить к Дильману⁶.

После этого генерал Назарбеков отправился к Муханджику, [и] отдает распоряжение о занятии позиции Муханджик–высоты 763.

У Муханджика полковник Земцов⁷ доложил, что он приказал высоте 763 занять [своей сотней]. Генерал Назарбеков одобрил это распоряжение. В это же время подъехал войсковой старшина Александров и доложил, что он привел 2 сотни и 2 орудия, и что за ним идет 1 1/2 роты 8-го Кавк[азского] стр[елкового] полка. Генерал Назарбеков приказал одной сотне сменить Сунженцев⁸ на высоте 763, которую и удерживать за собою, другую сотню выслать для наблюдения за левым флангом нашего боевого порядка, а ротам идти к Муханджику.

---

⁵ Сделанное примечание неразборчиво.

⁶ Сделанное примечание неразборчиво.

⁷ Сергей Иванович Земцов (1872–1928) – полковник, командир 1-го Сунженско-Владикавказского полка Терских казачьих войск (11. 02. 1914), временно исполняющий обязанности начальника штаба Кавказской кавалерийской дивизии (лето 1916 г.).

⁸ Имеет в виду Сунженский-Владикавказский казачий полк.

В это время артиллерия противника несколькими очередями обстреляла место расположения генерала Назарбекова и нашу батарею. Снаряды ложились хорошо, но рвались неудачно. Генерал Назарбеков приказал 12-й роте 8-го полка и подошедшей 5 [-ой] роте 6-го полка, составившим его резерв, рыть окопы южнее Муханджика, предполагая по присоединении [полка] полковника Нальгиева занять эти окопы ротами полковника Треденского.

К этому времени в руках генерала Назарбекова собралось 6 рот 6-го Кавк[азского] стр[елкового] полка, 1 рота 8-го Кавк[азского] стр[елкового] полка, 1 $\frac{1}{2}$ сотни 1-го Полтавского казачьего полка, 1 [-ая] Армянская рота, 6 орудий, 4 сотни Сунженского [казачьего] полка.

Полковник Нальгиев прислал донесение, что он будет отходить и просил для обеспечения отхода занять д. Агрисан⁹. Для этого генерал Назарбеков послал армянских конных разведчиков и 6-ю сотню Сунженского полка.

Около 9 $\frac{1}{2}$ вечера прибыл капитан Егупов¹⁰ с $\frac{1}{2}$ ротами и 2 пулеметами 8-го полка, отошедшими под напором превосходящих сил противника от г. Пир-чауш. Генерал Назарбеков приказал капитану Егупову с теми ротами 8-го полка, которые удастся собрать, занять к рассвету высоту 763, ключ нашей намеченной позиции и упорно удерживать ее.

Около 11 час[ов]¹¹ вечера прибыл полковник Нальгиев с 7-ю ротами и сотнями Полтавского полка.

Скоро, после полуночи, все войска Салмастского отряда были в руках генерала Назарбекова, и был отдан приказ № 2 о занятии позиции у Муханджика с целью дать отпор противнику. В продолжение ночи генерал Назарбеков несколько раз ходил и руководил рытьем окопов южнее Муханджика.

Около 7 час. ночи из Армянской дружины на левом фланге дали знать, что высота 763 занята противником. Генерал Назарбеков счел это донесение невероятным, так как от казаков, высланных на высоту 763 и высланных для наблюдения за левым флангом, таких известий не поступило. Потом выяснилось, что этого и не было.

К рассвету отряд полковника Треденского и Армянская дружина были оттянуты, и отряд занял положение согласно приказу № 2.

Чувствовалось, что наши войска окрепли духом после неудачи прошлого дня и приобрели уверенность, что смогут дать отпор нападающему противнику.

---

⁹ Агриван.

¹⁰ Ёяков Константинович Егупов (1870–?) – капитан, награжден орденом Св. Георгия 4 ст. за бой под Дильманом.

¹¹ Сделана отметка: «В 4¹⁰ час.».

В течение 17 апреля велась лишь артиллерийская и ружейная перестрелка, и противник, видимо, нащупывал лишь наше положение. Ночью на 17 апреля было получено распоряжение генерала Чернозубова¹², что все войска, действующие в районе близ Дильмана, подчиняются генералу Назарбекову.

На рассвете 18 апреля противник повел атаку на нашу позицию. Скоро после начала боя стали получать просьбы о подкреплении и о присылке патронов. Генерал Назарбеков лично посылал сколько возможно патронов, а подкрепления посылал очень осторожно, ободряя в то же время начальников участков и приказывая им стойко держаться с имеющимися силами¹³.

Когда обозначилось, что противник пытается обойти большими силами наш левый фланг, генерал Назарбеков направил туда своевременно 1 бат[альон] и 2 орудия под командованием полковника Докучаева, выход которого на наш фланг и переход далее в наступление парализовали попытку противника. Вскоре после полудни противник ...¹⁴ наступил [на] наш отряд у Аяна – обеспечивавший наш левый фланг. Генерал Назарбеков послал туда полковника Нальгиева с подкреплением, но отряд этот до прихода полковника Нальгиева сам отразил [атаку] противника.

Противник целый день энергично вел атаки, усиливая против разных участков. Около 2 час. дня получилось донесение полковника Докучаева, что он перешел в наступление и от начальника центрального участка, кн. Церетели¹⁵, что от его участка противник поспешно отходит. Как будто бы складывалась обстановка для перехода в наступление¹⁶, но по проверке положения дел на всех участках оказалось, что противник не отходит, а напротив энергично ведет атаки и приближается, как будто для того, чтобы приготовиться к ночной атаке.

С наступлением темноты перестрелка затихла: отряд был сильно уставший, так как некоторые части вели огонь уже несколько суток. Были отданы распоряжения для отражения атаки противника ночью или на рассвете. Вообще весь день 18 апреля, когда отлично обученный смелый противник

---

¹² Феодор Григорьевич Чернозубов (1863–1919) – генерал-лейтенант, с 1910 г. был начальником Азербайджанского (Атропатенского) отряда, с 20 февраля – начальником 4-й Кавказской дивизии, а с 04. 06. 1916 г. – 2-го Кавказского кавалерийского корпуса.

¹³ Сделанное примечание неразборчиво.

¹⁴ Одно слово неразборчиво.

¹⁵ Иван Филимонович Церетели (1875–1961) – полковник, с 03. 01. 1917 гг. – начальник штаба 2-й пехотной дивизии.

¹⁶ Сделанное примечание неразборчиво.

целый день вел энергичные атаки, частные начальники иногда высказывали ... [недовольство], на ...¹⁷ командующему обстановки боя и напряженности, неясности намерений противника, наступавшего то на центр, то на один фланг, то на другой, невзирая на то, что возле места находившегося генерала Назарбекова сыпались и с права и с лева пули, и падали снаряды, причем были убитые и раненые, генерал Назарбеков сохранял полное спокойствие и хладнокровие, правильно оценивал обстановку, своевременно принимая необходимые меры, ободрял и укреплял частных начальников, и это повело к тому, что противник, хотя и превосходил нас по силе вдвое, и по качеству не уступал нам, но потрясаемый потерями ... [отчаялся], очевидно, чувствуя себя больше не в силах бороться с нами.

Изложенное могу подтвердить под присягою. Приказание Вашего Превосходительства донести о действиях генерала Назарбекова 16–18 апреля я передал полковнику Треденскому, полковнику Николаеву, полковнику Докучаеву, подполковнику Никифорову, подполковнику Бутенскому, капитану Егупову, штабс-капитану Хан-Пирею, штабс-капитану Мергалову, уполномоченному Красного Креста ...¹⁸, подъяесаулу ...¹⁹

Генерального штаба полковник²⁰ [В. И. Полтавцев]

НАА, ф. 2543, оп. 1, д. 35, Н-1/П-34, 1-387, лл. 111–114. Копия. Рукопись.

-1 2

ОТРЫВОК ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА
Т. НАЗАРБЕКЯНА О БИТВЕ ПОД ДИЛЬМАНОМ

10 августа 1928 г.
г. Тифлис

¹⁷ Одно слово неразборчиво.

¹⁸ Фамилия неразборчива.

¹⁹ Фамилия неразборчива.

²⁰ Означает, что окончил полный курс Николаевской академии Генерального штаба и причислен к Генеральному штабу. Имел право со временем получить должность по Генеральному штабу. Имелись специальные должности, которые должны были замещаться только чинами Генерального штаба.

...7 апреля 1915 г. начались Ванские события²¹. Вызваны они были тем, что ряд тяжелых событий с началом войны с Турцией уже переполнили чашу терпения армян Васпуракана. Ишхан²², один из вождей армянских, с его товарищами в дер. Гирдж Гайоц-Дзора, были коварно убиты по приказу вали Джебдет-паши [бея]²³, когда по его просьбе ехали в Шатах, чтобы успокоить возмущившееся население²⁴. Армянское население Васпуракана больше не хотело отдавать своих сыновей в руки палачей правительства после того, как стало известно, что в лагере часть их была расстреляна по подозрению в том, будто они не захотят сражаться с Кери²⁵ и с Андраником²⁶. Кро-

---

²¹ Имеет в виду самооборонительные бои в г. Ван.

²² Ишхан (Никогайос Погосян, 1883–1915) – деятель армянского национально-освободительного движения, член партии Дашнакцутюн. В апреле 1915 г., когда наместник Вана Джебдет-бей предложил армянам начать переговоры в целях урегулирования конфликта в Шатахе, Ишхан отправился в Шатах, чтобы принять участие в переговорах, однако вместе с товарищами был предательски убит.

²³ Джебдет-бей–губернатор (вали) Вана и Ванского вилайета, был женат на сестре Энвера-паши. Джебдет славился зверствами, учиненными в отношении армян и айсоров. Его называли «подковщик из Башкале», поскольку он приказывал подковывать своих жертв. Во время Геноцида армян командовал отрядом «Тешкилят-ы махсуссе». Лично руководил карательными действиями по отношению к армянам провинции Ван. Был командующим турецкой армией в ходе самооборонительных боев жителей г. Ван в 1915 г., организатором и руководителем резни армян в других губерниях Западной Армении.

²⁴ Шатах-каза (уезд, сельская община) в Ванском санджаке (губернии) одноименной провинции Османской империи на территории Западной Армении. Шатах (с центром Таг) состоял из кварталов Верин, Неркин и Джрагац. 1 апреля 1915 г. его армянское население приступило к вооруженному сопротивлению турецким регулярным частям и курдским отрядам. Оборонительные бои начались 4 апреля 1915 г. Защищали гражданское население 114 бойцов. Самообороной армян руководил Бахдик (Азат) Симонян. Хотя и турецко-курдские силы получали подкрепление, но им не удалось сломить сопротивление оборонявшихся армян. 12 мая на помощь шатахским армянам пришли армянские добровольцы 2-й дружины. 14 мая армянские добровольцы вошли в Таг. Потери армян составили около 160 человек, противник же потерял около 600 человек. 42-дневная самооборона Шатаха была одной из ярких страниц героических событий в Ване-Васпуракане в 1915 г., и пример стойкости и самоотверженности западных армян.

²⁵ Кери (по-армянски–дядя, բրնի) (Гавафян Аршак, 1858–1916) – видный деятель армянского национально-освободительного движения, член партии Дашнакцутюн. Во время Первой мировой войны являлся командиром 4-й Армянской добровольческой дружины. Был убит в 1916 г. во время боя.

ме того, турецкие аскеры, жившие в округе²⁷ Айгестан, напали на армянок из д. Шушанац с целью изнасиловать и действительно многих из них изнасиловали. В эту борьбу, во имя самозащиты, ванцы вступили с неравными силами. Турки имели 6–8 тыс. воинов, 4 орудия и большое количество военных припасов. Стены домов и оград садов и домов гор. Вана были построены из несжженного кирпичика и глины. Они не могли быть надежным препятствием не только для снарядов, но даже для пуль. Были привлечены к работе все жители, которые на месте разрушенной стены в ту же ночь воздвигали новую, имеющую все удобства для ведения борьбы с Джевдет-пашой. Айгестан, центр Ван²⁸ и Шатах. Эти три опорных пункта оказывали

---

²⁶ Андраник (Озаян, 1865–1927) – выдающийся деятель армянского национально-освободительного движения, национальный герой армянского народа, зауряд генерал-майор русской армии. В начале Первой мировой войны Андраник был назначен командиром 1-го добровольческого отряда, который принимал участие в боевых действиях на русско-турецком фронте. Его отряд отличился в Дильманском сражении и при взятии г. Битлис (Багеш). Узнав о намерении русского командования о расформировании добровольческих армянских дружин, в марте 1916 г. сложил с себя обязанности командира дружины и подал в отставку.

²⁷ Квартал.

²⁸ В начале 1914 г. население г. Вана составляло 41 000 человек. Город состоял из двух кварталов – Айгестан (20 000 армян) и Кахакамеч (2500 армян). Кварталы находились в 5–6 километрах друг от друга. Между ними жили в основном турки (около 18 000). 5 апреля 1915 г. по приказу губернатора Вана Джевдет-бея армянские кварталы были окружены турецкими войсками и иррегулярными курдскими отрядами. Деятели армянских организаций пытались сгладить конфликт, направив к Джевдет-бею американских миссионеров Кларенса Ашера (Ussher), Эрнеста Яроу и заместителя епархиального начальника архимандрита Езника Неркараряна. Однако Джевдет-бей был неуклонен. Он хотел уничтожить армянское население г. Вана и жителей провинции. Тогда армяне приняли решение – защитить Ван. Самооборонительные бои начались 7 апреля и продолжались до рассвета 4 мая. Силы были неравные. В начале осады у противника было до 12 тысяч солдат, вооруженных современным оружием, и несколько десятков пушек. Дополнительно были отправлены из Эрзерума два батальона пехоты и четыре горных пушки. В обороне Вана участвовало около 1300 вооруженных разными системами оружия бойцов, в основном это были землелашцы и ремесленники. В Ване находилось несколько тысяч армян и айсоров, перебравшихся из разных уездов. Турецко-курдским силам не удалось овладеть армянскими кварталами. 5 мая, вечером, передовой разведывательный отряд армянского Араратского отряда (5-я Армянская дружина) под предводительством Хечо (Хачатур Амирян-Геворгян) вошел в г. Ван. 6 мая в город вошли 2-я, после нее 4-я дружины, а затем – основные силы русского Баязетского отряда.

сопротивление, и турецкие усилия сломить пока оставались безрезультатными.

Пока мужественный Ван выдерживал осаду, в Азербайджане²⁹ у гор. Дильмана произошло следующее событие. 16 апреля не успел я проснуться, как мне доложили, что мне экипаж 7-го полка подан и что генер[ал] Чернотубов просил меня немедленно выехать в Дильман. Пришлось напомнить распоряжение начальника Азербайджанского отряда. В 9 часов утра я выехал с нач[альником] своего штаба полковником Полтавцевым³⁰, приказав свою верховую лошадь и походный мой вьюк направить вслед за мною в Дильман. Проезжая Хой, я заехал проведать бывшего коменданта города ротмистра Скрипина, перенесшего сыпной тиф.

Около 12 часов дня я был уже на Каратапинском перевале. Там передовым отрядом Красного Креста был в кибитках устроен питательный пункт, куда пригласили нас заехать и перекусить. Я согласился и зашел. Там мне сказали, что недавно проследовал 5-й стр[елковый] полк, и они их угощали. Не желая стеснять полк на марше и не предвидя ничего опасного, я умышленно засиделся в передовом отряде Красного Креста. Выехал оттуда в 2 часа. Все-таки пришлось перегнать 5-й полк. Когда я стал спускаться с Каратапинского перевала, то заметил группу всадников, быстро поднимавшихся на перевал. Оказалось, что это был Дильманский губернатор со своей свитой и конвоем. Когда они подъехали ко мне, я остановил экипаж, поздоровался с ним и спросил, в чем дело? Он мне сказал, что турки бомбардируют Дильман. Я все-таки почему-то склонен был думать на основании рекогносцировки полковника Нальгиева, что ничего серьезного нет и сказал ему, что хочу сегодня вечером в Дильмане быть его гостем. Он тогда спросил меня, значит ему возвращаться? Я в знак согласия кивнул головой и сам поехал дальше, а он не последовал за мною и поскакал дальше в Хой.

Уже при спуске с перевала я стал встречать отступавших вперемежку с беженцами обозы, фургоны Красного Креста, сестер милосердия, врачей и большое число отдельных нижних чинов, якобы сопровождавших раненых, число которых по мере приближения к месту боя все время возрастало. Видя такую картину, я, конечно, слез с экипажа. Задержав всех здоровых строевых нижних чинов, ободрив их и приведя при посредстве офицеров штаба в порядок, я вместе с ними двинулся к южной стороне сел. Мухан-

---

²⁹ Речь идет об Иранской Атропатене (Արշարունիք).

³⁰ Владимир Николаевич Полтавцев (1875–1937) – генерал-майор. Начальник штаба 2-й Кавказской стрелковой бригады-дивизии (с 03. 08. 1913–01. 01. 1916). Командир 7-й Кавказской стрелковой дивизии. Командующий 66-й пехотной дивизией (с 16. 11. 1917).

джик, указал им место для окопов и приказал приступить к работе. Таким образом мне удалось собрать около 2-х рот.

Увидя отходившую поспешно 2-ю горную батарею, я приказал ей занять позицию южнее селения Муханджик и немедленно открыть огонь по нападавшему противнику. Не успел я отойти от артиллерии, как она опять снялась и стала отходить. Причина была, что открытая позиция и несколько неприятельских снарядов близко разорвало. Я опять ее остановил и для поднятия духа находящихся тут же стрелков приказал занять опять открытую позицию и открыть огонь по противнику и его артиллерии. После несколько удачно попавших наших снарядов, а в особенности, когда был взорван зарядный ящик, противник уменьшил временно свой огонь. Начало уже темнеть. Ни от кого не мог узнать, где находится начальник отряда и где расположены наши войска.

В эту тяжелую минуту я заметил небольшую движущуюся часть. Это оказалась рота Армянской дружины во главе с Сумбатом³¹, которая была выслана за день до этого с Каратапинского перевала на обыкновенную разведку к западу на сел. Ханыг.

Я приказал Сумбату занять позицию к юго-востоку от Муханджика, окопаться и удерживать противника, старающегося охватить наш левый фланг, чтобы выйти нам в тыл. Приказал Сумбату умереть, но не отходить. Послал приказание команд[иру] 5 [-го] стр[елкового] полка Докучаеву остановиться на линии Шири-Коньяни и занять позицию на случай, если не удастся задержать противника под Муханджиком. Там же остановил и Сунженский каз[ачий] полк. Наконец, я получил сведение, что командир 6-го полка полковник Треденский находится между сел. Муханджик и гор. Дильманом. Под сильным огнем я со своим начальником штаба двинулся в темноте к Дильману, чтобы выяснить обстановку и узнать что-нибудь о противнике. Дошел я таким образом до кургана 669, где по полученным по дороге сведениям от отходящих людей находился командир 6-го Кавк[азского] стр[елкового] полка. У названного кургана я установил, что боевые действия турок, занявших позицию севернее города и казарм, под действием нашей 2-й батареи, приостановились, но к северу от сел. Бояджика продвигались густые цепи противника. Но я рассчитывал на задержание их ротой Армянской дружины, которая вполне оправдала мое доверие.

---

³¹ Смбат Бороян (Махлут 1881–1956) – деятель армянского национально-освободительного движения, гайдук, член партии Дашнакцутюн. В годы Первой мировой войны являлся заместителем, а впоследствии командиром 1-й Армянской дружины. В 1918 г. сражался в Зангезуре. Принял участие в Февральском восстании 1921 г. Когда восстание было подавлено, перебрался в Иран, а затем уехал во Францию. В 1947 г. репатриировал в Советскую Армению.

Дружинникам несколько раз пришлось сходить с противником в рукопашный бой. Благодаря энергии и неустрашимости Сумбата все стремительные атаки противника остались тщетными и после уже противник приостановил свое наступление и отошел. В это время полковник Треденский со слезами на глазах доложил мне, что он начальник отряда, хотя и старше полковника Нальгиева (это обстоятельство сильно меня удивило), а также и то, что Чернозубов, отправляя меня в Дильман, не предупредил об этом, так как по телеграмме Чернозубова ему приказано было подчиняться Нальгиеву. Где находится, он точно не знал, а также не знает, что делается кругом и что он решил с остатками своих стрелков тут умереть. Он знает только лишь, что полк с его одним батальоном и батальоном 8-го полка двинулся с капитаном Зинкевичем³², офицером Генерального штаба, прикомандированным из штаба отряда на левый фланг наступающего противника. Я приказал полковнику Треденскому упорно удерживать, несмотря на крайнюю слабость и сильную утомленность его отряда и отсутствие резервов занимаемую им позицию.

После этого я отошел к Муханджику. Тут я увидел казака, ехавшего от полк[овника] Нальгиева с приказанием Треденскому о том, что он теснит противника и просит его поддержать. Удивительно было то обстоятельство, что начальник отряда оставил общее руководство боем и фронт, а сам увлекся обходной колонной.

Конечно, при энергичном наступлении ночью противника была бы неминуемая катастрофа. Однако, оценив обстановку – выдвинутое вперед положение колонны полковника Нальгиева, очищение полковником Треденским Дильмана, крайнее превосходство противника в силах, отсутствие у него резерва, упадок духа и поздний час, я обрисовал полк[овнику] Нальгиеву обстановку: сообщил, что я вступил в командование отрядом и поэтому посылаю ему приказание немедленно отходить к сел. Муханджик. Послал с таким же приказанием с несколькими охотниками³³ на левый фланг 2-м сотн[и] Полтавцев и постараться пробраться к начальнику разведчиков 6-

---

³² Михаил Михайлович Зинкевич (1883–1945) – генерал-майор (1920). В 1915 г. – и. д. начальника штаба Сибирской казачьей бригады на русско-турецком фронте. В 1916–1917 гг. – начальник штаба той же дивизии. Командир 12-го Кавказского пограничного пехотного полка.

³³ 1) Лица, добровольно поступавшие на военную службу, хотя и освобожденные от воинской повинности. В России в XIX в. право быть зачисленным в охотники имели лица, не принимавшиеся на военную службу. В мирное время в охотники зачислялись мужчины не старше 30 лет, а также лица, не достигшие призывного возраста (с 1912 г.). Охотники имели право выбора войск в пределах разрядки; 2) добровольцы, для участия в рискованных военных предприятиях.

го полка поручику Кутетеладзе, окруженному турками у памятника Александра Македонского. В ожидании подхода войск я выбрал позицию, тактическим ключом которой была высота 763. Начальник штаба приступил к писанию диспозиции.

Около 10 часов вечера прибыл отряд капит[ана] Егупова (командующий батальоном 8-го полка) в составе 1 1/2 и 2-х пулеметов 8 стр[елкового] полка, геройски отстаивавший целый день Пих-Гауш. Ему приказано было к рассвету 17 апреля занять со своим батальоном высоту 763 и не уступать ее ни в коем случае. В полночь, к моей радости, прибыли две сотни Полтавского каз[ачьего] полка с войсковым старшиной Александровым, который мне доложил, что с наступлением ночи разведчикам 6-го полка удалось прорваться сквозь турецкую цепь, и они следуют за ним. Вскоре и эта команда прибыла. Получив донесение, что полк[овник] Нальгиев начал свой отход, я приказал занять для обеспечения этого отхода гору Агриван. Послал ночью телеграмму генер[алу] Чернозубову с просьбой дать в мое распоряжение 5-й Кавк[азский] стр[елковый] полк. Вскоре получил ответ, что все войска, какие мне будут необходимы, я могу брать в свое распоряжение. Обещал выслать еще две роты 7-го полка и Армянскую добровольческую дружину. В час ночи прибыл отряд полк[овника] Нальгиева. Таким образом весь отряд к ночи был сосредоточен. Тогда я приказал и полковнику Треденскому отходить к Муханджику, оставив сторожевые охранения и секреты³⁴.

Ночью все части заняли указанные в диспозиции места. Всю ночь шла работа по укреплению позиций. Я сам обходил позицию и руководил этой работой, подбадривая людей. К рассвету окопы были готовы во весь рост (грунт был очень мягкий) и даже были сделаны запасные окопы на случай удлинения фронта. Позиция была выбрана за южной окраиной сел. Муханджик и высотой (763) к востоку от этого селения. Впереди сел. Муханджик в окопах расположились два батальона 6-го полка и рота Армянской дружины, высоту 763 занял батальон 8-го стр[елкового] полка. Резерв за северной окраиной сел. Муханджик по батальону от 5-го и 6-го полков: 2 батал[ьона] 5-го стр[елкового] полка и Сунженский казач[ий] полк составлял глубокий резерв на линии Шари-Каняны. Артиллерия заняла скрытую позицию к северо-востоку от сел. Муханджик. Для прикрытия и наблюдения правого фланга были высланы в с. Варва и Шейдан команда разведчиков 5-

---

³⁴ Секрет – орган сторожевого охранения, обычно в составе 2–3 солдат, выставленный на определенное время от сторожевой заставы на скрытных подступах к ее позиции с заданием своевременно обнаружить противника и сообщить об этом высланному его командиру. Секреты выставлялись также в наиболее опасных направлениях в обороне.

го полка и 3 сотни полтавцев, а на левый фланг к сел. Кызылджа – сотня полтавцев.

На рассвете утром 17 апреля подошли на подкрепление 2 роты 7-го стр[елкового] полка и три роты Армянской дружины. 7-го полка роты заняли позицию левее батальона 8-го полка, а дружина – правее этого батальона. Позиция, занятая нами, была для нас хорошая. Вся местность между Дильманом и сел. Муханджиком была открытая с довольно значительным скатом к Дильману. Селение и высота были хорошими опорными пунктами. Более чувствителен был для обхода наш правый фланг благодаря складкам пересеченной местности; левый же от глубокого обхода обозначался Урмийским озером. Все наступление и предпринимаемые обходы противника ясно были видны нам.

К нашему счастью, противник 17-го (пятница) не наступал и благодаря этому дал нам еще больше возможности подготовиться к встрече и окрепнуть духом после неудачного дела 16 апреля. Вновь прибывшие части тоже приступили к укреплению занимаемых им позиций. Армянская дружина, за неимением малых лопат, рыла окопы штыками (вот в этом бою она оценила малую лопату, и Андраник после боя просил меня о снабжении его дружины этими лопатами и всегда стал в дальнейшем ими пользоваться).

На рассвете 17-го перебежал один турецкий солдат из греков, который нам дал более или менее подробные сведения о противнике. Из расспросов пленного и полковников Треденского и Нальгиева выяснилось следующее: прекрасно поставленная у турок тайная разведка³⁵ в стране, где каждый перс всеми силами ненавидит христиан³⁶ вообще, а под влиянием турецких эмиссаров, русских в особенности, позволила нашему противнику в точности знать силу и расположение наших войск, к тому же осведомительная деятельность одного шпиона, пользовавшегося нашим доверием и прекрасно осведомленного о наших делах, как было потом установлено из захваченных турецких документов, побудила начальника турецкого отряда, уверенного в том, что резервы оттянуты в Джульфу, отдать категорическое приказание стремительно атаковать и раздавить слабый Дильманский отряд. Эта твердая уверенность в том, что перед ним находятся лишь крайне слабые русские силы, была передана турецким командующим и своим войскам,

---

³⁵ Более подробно см.: Ռ. Մահալյան. Առաջին համաշխարհային պատերազմի նախօրյակին և ընթացքում ռուս-թուրքական ռազմաճակատում հետախույզական ծառայությունների գործունեության պատմությունից (1914–1917 թթ.) – ՊԲՀ, 2012, - 3, էջ 94–119:

³⁶ Утверждение, что персы ненавидят христиан, не соответствует действительности. В лице русских и британцев они видели оккупантов.

вследствие чего и та стремительность атаки несмотря на сильные потери, которые были проявлены турецкими войсками в боях 16–18 апреля.

Спустившись в ночь с 15-го на 16 апреля с Самайских гор, отряд Халил-бея в составе пришедшей из Константинополя и обученной немецкими инструкторами третьей пехотной дивизии, усиленной жандармскими частями Багдадской военной инспекции и вышедшими 17 апреля к Дильману несколькими батальонами отряда Джевдета-паши, а также многочисленными скопищами турецких и персидских курдов и персидских добровольцев, всего силой до 16-ти батальонов пехоты, 2-х эскадронов регул[ярной] кавалерии, 8-ми оруд[ий] и 12 пулеметов и около 5000–6000 курдов, стремительно и неожиданно атаковали наши войска, занимавшие позиции южнее Дильмана, стремясь под прикрытием энергичного фронтального наступления охватить наш левый фланг, отрезать Дильманский отряд от его коммуникационной линии с Хоем. Довершить этот тактический удар окружением должен был отряд Кязим-бея, который в составе нескольких табуров³⁷ жандармов и курдских алаев³⁸ спешно сосредотачивался к горе Буруш-хоран. Огромное превосходство в силах, и надо отдать справедливость – прекрасная выучка и доходившее до дерзости мужество противника, заседавшего на слабые части нашего отряда густыми цепями поддерживавшихся резервами в колоннах, заставляли, несмотря на частный успех, колонны полковника Нальгиева на нашем правом фланге, к 2 часам дня 16 апреля очистить г. Дильман и селения к югу и юго-западу от отряда. Когда части проходили при отступлении через город, то жители из домов стреляли в них.

Отход наших частей под напором противника осложнился еще и тем, что необходимо было вывести лазарет Красного Креста с перевязочным отрядом, станцию беспроволочного телеграфа и полевую хлебопекарню, а вместе с последним, под прикрытием наших же войск, стали выезжать со своими пожитками, скотом и арбами тысячи армян и других христиан из города и окрестных селений. Все эти беженцы спешно стремились на единственную дорогу на г. Хой, увеличивая с каждой минутой хаос, беспорядок и смятение и тем создавая для отходящих с боем войск неприятно на них действующую картину поспешного отступления, местами даже вовлекая их в этот беспокойный отход.

Место для штаба мною было выбрано к северу от сел. Муханджик, у мельницы. Там был по моему распоряжению устроен и наблюдательный пункт офицерский, которому ясно была видна вся впереди лежащая местность, и ни одно движение противника не могло укрыться от нашего на-

³⁷ Табур–по-турецки «батальон».

³⁸ Алай–по-турецки «полк».

блюдения. Туда я перешел на рассвете, когда войсками были заняты согласно диспозиции свои участки. Когда я стал у мельницы отдавать днем свои дополнительные распоряжения, то каким-то образом возле меня очутился Бедерхан-Заде-Абдул-Ризак³⁹. Он с каким-то особым вниманием подозрительным и любопытством вникал в мои распоряжения и кроме того стеснял меня своим присутствием, попросил его оставить позицию. Он мне сказал, что он интересуется ходом боя, а главным образом его результатом. Я на это ему сказал, пусть он едет в тыл и там ждет результата боя. После моих слов я ясно видел, что он нехотя выполнил мое распоряжение.

В течение 17 апреля велась лишь артиллерийская и ружейная перестрелка. Противник, видимо, нащупывал наше расположение. Я твердо решил победить или лечь мертвым. И всеми силами старался вселить то же самое и своим войскам. Я знал, какой опасности подвергался Азербайджанский отряд. Халил-бей упустил свой выгодный момент. Продолжай он свое наступление, когда он так неожиданно появился перед нашим отрядом 16-го, то катастрофа была бы неминуема, так как наш Дильманский отряд, разбитый 16-го, отступал в беспорядке, не имея резерва, главное, без распорядителя,

---

³⁹ Абдуррезак Бадрхан, сын Бадрхан-бея (1864–1918) – курд. В 1890-х годах был назначен третьим секретарем турецкого посольства в Петербурге. Имел тесные связи с российским министерством иностранных дел, есть предположение, что сотрудничал с русской разведкой. Через год был назначен на пост второго секретаря турецкого посольства в Тегеране, однако не доехал до места назначения. По приказу султана Абдул Гамида II, был отозван. При содействии русского посольства в Константинополе в сентябре 1894 г. сумел бежать в Россию. По требованию османского правительства был выслан в Великобританию. Спустя несколько лет султан через отца Абдуррезака добился его возвращения в Константинополь, где он был назначен на должность церемониймейстера султанского двора. В 1906 г., в числе других 25 курдов, был обвинен в убийстве губернатора Константинополя Редвана-паши и отправлен в ссылку, в Триполи. После младотурецкой революции был амнистирован и вернулся в Константинополь. В декабре 1910 г. переехал в Россию, а оттуда – в Персию. Имел тесные связи с русским вице-консулом г. Вана С. Ольферьевым. Во время Первой мировой войны пытался организовать восстание курдов, однако безуспешно. После освобождения Вана 4 мая 1915 г. русское командование разрешило ему сформировать отряд из курдов в составе 200 человек, которые в основном занимались тем, что грабили немусульманское население, всячески его притесняли. Отрядом был арестован начальник района Езди-Хане Джангир-ага, езид по национальности, и его односельчане. Курды присваивали имущество езидов и угоняли их домашний скот. Начальник Баязетского отряда и гарнизона г. Вана генерал А. М. Николаев неоднократно обращался к командованию с просьбой выслать из Вана Абдуррезака с его отрядом, однако просьбы оставались невыполненными. Абдуррезака прочили в правители будущего «Курдистана». В 1918 г. он был схвачен турками и казнен.

который, увлекшись обходной колонной, сам повел ее, оставив на произвол главные силы.

Ночью с 17-го на 18-е все легли на мельнице спать. Я конечно, зная, какую ответственность несу, не мог сомкнуть глаз, хотя и накануне мне не пришлось спать. Бодрствовал со мною и капитан Генерального штаба Зинкевич, который помогал мне принимать депеши и телефонограммы и на них отвечать.

Утром около 4-х часов 18-го я вышел с мельницы и услышал первый ружейный выстрел. Турки перешли в наступление. Приказал всех штабных разбудить. Мною накануне было приказано на дальние расстояния не открывать огня и беречь патроны. Мы, наблюдая за наступлением противника, любовались стройным движением его, которое в полном смысле было образцовое. Он энергично повел атаку на нашу позицию, атакуя главным образом центр, Муханджик и наш правый фланг. Скоро после начала боя стали уже поступать просьбы о подкреплении и о присылке патронов. Лично я посылал патронов сколько было возможно. Развозил их, не страшась сильного огня, сам пожилой оружейный мастер 6-го полка Жилин. Попутно он своей неустрашимостью старался воодушевлять солдат.

Заметив желание обойти наш правый фланг, я удлинил фронт высылкой батальона 6-го полка из резерва, который занял готовые окопы. Некоторые части (центр 6-го полка) с трудом выдерживали натиск турок и даже помышляли об отходе, но моя решительная угроза, что я выставлю пулеметы и уничтожу сам отступающие роты, подействовала. Слабость выказали в начале люди, попавшие на пополнение из этапных батальонов. Но моя решительность победить во что бы ни стало врага, наконец, перешла [к] войскам. Кроме наблюдателя, который держал меня в курсе, еще и капитан Зинкевич, несмотря на убийственный огонь противника, объезжал боевую линию и обо всем мне докладывал.

Около 2-х или 3-х часов пополудни прискакал казак Полтавского полка в страшном нервном возбуждении к командиру полка–полковнику Нальгиеву, который находился при мне, и доложил, что три сотни и командир разведчиков 5-го полка уничтожены. Эти части прикрывали мой правый фланг у сел. Аяна к востоку от Муханджика около 8 верст. Услышав это, я сейчас [же] сделал распоряжение по телефону выслать из глубокого резерва на рысях Сунженский каз[ачий] полк к месту происшествия. Но еще до прибытия Сунженского полка обход был ликвидирован теми частями, которые были в сел. Аяне, с большими потерями для противника. Правда, и у нас были значительные потери в Полтавском полку и разведочной команде.

Противник, потерпев неудачу со своей обходной колонной на нашем правом фланге, направил тогда другую, еще более сильную колонну на наш левый фланг. Когда мне дал об этом знать наблюдатель, и это подтверди-

лось донесением, я отдал распоряжение командиру 5-го полка, который находился в глубоком резерве, двинуться по руслу речки к нашему левому флангу для предотвращения этого обхода, а после своим движением стараться выйти в тыл [к] противнику. Эта задача им была настолько удачно выполнена, что противник, опасаясь за свой тыл, стал к 5 часам пополудни очищать на своем правом фланге передовые пункты.

Андраник мне донес о факте отступления противника и просил разрешения перейти в наступление. К этому же времени я получил донесение от командира 5-го полка, полковника Докучаева, что после ликвидации обхода он перешел в наступление, а также от начальника центрального участка подполк[овника] Церетели, что от его участка противник поспешно отходит. Как будто бы складывалась обстановка для перехода в наступление: для проверки в центральный участок мною был послан капитан Зинкевич, который был там ранен в окопе, и по проверке положения дел на всех участках оказалось, что противник не отходит, а напротив, энергично ведет атаки и приближается, как будто для того, чтобы приготовиться к ночной атаке.

Андраник, по своей горячности не дождавшись моего распоряжения, самостоятельно перешел в наступление для овладения впереди лежащей деревней. Он хотя и овладел ею, но понес большие потери. Когда принесли на носилках капитана Зинкевича (он был ранен в щиколотку правой ноги), я спросил об обстановке. Он доложил, что не видно, чтобы турки отступали, бой в разгаре. С наступлением темноты перестрелка затихла. Чины отряда были сильно утомлены, так как некоторые из них вели бой уже несколько дней. Наступила темная ночь. Было отдано много распоряжений для отражения атаки противника ночью, так как наши части были малоопытны в ночных боях. Высланные вперед разведчики не могли дать точно сведений о противнике. Ночью со стороны турок поддерживался редкий огонь. На рассвете я получил донесение, что противник ночью отошел, оставив своих убитых, некоторых раненых, артил[лерийские] снаряды и некоторые войсковые тяжести.

Весь день 18 апреля, когда отлично обученный, смелый противник целый день вел энергичные атаки, и начальники частей иногда выказывали нервность, невзирая на колеблющуюся обстановку боя и напряженность его, неясность намерений противника, атаковавшего то центр, то один фланг, то другой, невзирая на то, что возле места нахождения моего штаба сыпались справа и слева пули и падали снаряды, причем из вблизи находившихся людей и лошадей были убитые и раненые, все чины штаба сохраняли полное спокойствие и хладнокровие, правильно оценивали обстановку и своевременно принимали необходимые меры. Я всеми силами старался укреплять и ободрять начальников частей, и это повело к тому, что противник, хотя и

превосходил нас в силе вдвое и по качеству не уступал нам, но, видимо, потрясенный неудачными атаками, разбившимися о стойкость наших войск и огромными потерями, отошел, очевидно, чувствуя себя больше не в силах бороться с нами.

После отхода противника я отдал распоряжение о преследовании противника. Авангард в составе 3-х батальонов 5-го стр[елкового] полка, 4 горн[ых] оруд[ий] и Сунженского каз[ачьего] полка настиг арьергард противника и вступил с ним в бой. Главные же силы турок успели отойти к югу в горы Турджан-Агван-Куда. Туда же после наступления темноты отошел и арьергард.

19-го с остальным отрядом я перешел в гор. Дильман. Сам я со штабом расположился в бывших казармах наших частей на северной окраине Дильмана, а отряд расположился бивуаком за северной окраиной гор. Дильмана. Было принесено сено, и все легли вповалку. После 2-х дневного утомления и бессонной ночи все скоро заснули. Не спали я и офицер, прикомандированный из штаба отряда для связи, Небогатов, окончивший курс восточных языков. Офицер очень хороший, очень развитой и толковый. Мне не спалось от лично пережитого за последние три дня. Ночью были получены от разных лиц телеграммы: генер[ал] Чернозубов выражал в своей телеграмме благодарность мне и войскам за блестящее дело. Тут же сообщал, что нет ни одного раненого, который не упоминал бы мою фамилию как спасателя их и отряда и что он ходит по начальству с телеграммой о награждении меня Георгиевским крестом.

Вторая от Главнокомандующего войсками генерал-адъютанта Воронцова-Дашкова⁴⁰, в которой он тоже благодарил меня и войска за победу и сообщал, что об этом славном деле он доносит лично Государю Императору. Была телеграмма и от генерал-лейтенанта Вольского⁴¹ с поздравлением

---

⁴⁰ Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1916) – русский государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. В 1905–1915 гг. – наместник Кавказа, Главнокомандующий войсками Кавказского военного округа и войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск. В начале Первой мировой войны был назначен Главнокомандующим Кавказской армии, однако не принимал участия в руководстве военными действиями, передав свои функции начальнику штаба Кавказской армии генералу Н. Н. Юденичу. 23 августа 1915 г. был освобожден от командования армией и должности наместника.

⁴¹ Сигизмунд Викторович Вольский (1852– после 1917) – генерал от инфантерии. Военный губернатор Дагестанской области. Главный начальник Кавказского военного округа (17. 03. 1915 – 09. 04. 1917).

с победой. Генералы же Юденич⁴² и командир корпуса⁴³ не удостоили меня почему-то поздравления. После была вторая телеграмма от генер[ала] Чернозубова, в которой он указывал о том, что до него дошли слухи о моем нахождении в бою все время под сильным огнем, я должен помнить о том, что я не себе принадлежу, поэтому должен беречь себя. Генер[ал] Чернозубов, как теоретик, плохо знал психику нашего солдата, а в особенности пополненных из этапных батальонов. Только лишь таким образом можно было заставить быть устойчивым. До получки этих телеграмм я не думал, что я совершил какой-то подвиг. Думал, что исполнил лишь свой долг.

20 апреля вследствие того, что была сильная жара, тела убитых стали сильно разлагаться. Я назначил комиссию для подсчета убитых и возложил на перевязочный свой отряд совместно с жителями из персов похоронить их. Насчитали тел противника около 2000 чел., а наших – около 600 чел. и раненых наших было 800 чел. Наших похоронили в присутствии моем и начальствующих лиц за северной частью гор. Дильмана. Отпевал священник 6-го полка.

Тела турецких убитых обыскивались и дружинниками как более опытными в этом деле, удалось от двух офицеров убитых, добыть важные сведения. В одном из них офицер писал жене в Константинополь, что после боя вышлет ей деньги. Надеется, что особенно сильного боя не будет, так как имеются сведения от агента их Абдул-Ризака, что у противника всего один батальон пехоты и один каз[ачий] полк. На самом деле так и было, когда был занят Дильман. У другого офицера был дневник, в котором упоминалось то же самое и была помещена фамилия Абдул-Ризака. Документы эти были направлены генер[алу] Чернозубову, но он отнесся к этим документам недоверчиво. Удивительно то обстоятельство, что после окончания боя Абдул-Ризак больше не показался мне, а уехал в Хой. Очевидцы мне рассказывали, что он во время боя все время страшно волновался⁴⁴.

---

⁴² Николай Николаевич Юденич (1862–1933) – генерал от инфантерии. Один из самых известных генералов России во время Первой мировой войны. Последний кавалер Ордена Святого Георгия II класса. С началом Первой мировой войны являлся начальником штаба, а с января 1915 г. – командующим Кавказской армией. В 1916 г. провел Эрзерумскую и Трапезундскую операции. В марте–апреле 1917 г. был Главнокомандующим Кавказского фронта.

⁴³ Петр Иванович Огановский (1851–?) – генерал от инфантерии (1913). В годы Первой мировой войны был командиром IV Кавказского армейского корпуса (24. 01. 1914–19. 12. 1915).

⁴⁴ После боя Абдуррезак был арестован и отправлен в Тифлис. В результате дознания он был оправдан и все обвинения с него были сняты за отсутствием состава преступления.

Выяснилось это из допроса пленных. Задача Халил-бея заключалась в следующем. Зная хорошо из разведок, что у нас не особенно значительные силы сосредоточены в Азербайджане [Атропатена], он сводным корпусом должен был разбить наш отряд и, усилившись персидскими курдами и добровольцами, двинуться в Джульфу, поднять там уже подготовленное мусульманское население, и затем проникнуть дальше через Карабах и Зангезур в Елизаветпольскую и Бакинскую губ[ернии], разрушить железную дорогу и, если удастся, то поднять и Дагестан. Удивительно то, что за несколько дней перед появлением противника полковник Земцов производил усиленную рекогносцировку в сторону Турции и Урмии и ничего не заметил, а ведь отряд противника был не мал. Очевидно, рекогносцировка была проведена крайне небрежно. Кроме того, это может быть показателем, насколько у нас в штабе Азербайджанского отряда слабо была поставлена разведка, а также и в штабе армии. Ведь более месяца нужно было, чтобы 3-я дивизия могла дойти из Константинополя до Персии....

Фома Иванович Назарбеков